

Т.В. Краюшкина

**ПУТЬ ИЗ СЛЕПОЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКОЙ ЗОНЫ:
МЕЖДУ ФОЛЬКЛОРОМ И ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРОЙ**
Рецензия на книгу: Бобякова И.В., Ларионова М.Ч. Домовой: фольклорный персонаж в литературе. Ростов-на-Дону: Foundation, 2024. 216 с.

Аннотация

В рецензии рассматривается монография И.В. Бобяковой и М.Ч. Ларионовой «Домовой: фольклорный персонаж в литературе». Показывается значимость обращения к одному из популярных персонажей устного народного творчества для осмысления роли культурной матрицы в прочтении образной системы русской литературы третьей трети XVIII – начала XXI в. Подобный подход, как представляется рецензенту, во-первых, обладает потенциалом стать одним из путей к преодолению слепой филологической зоны, в которой размывается осмысление словесного искусства как цельного объекта (в его совокупности коллективного и авторского начал). Во-вторых, апелляция к культурной матрице может стать одним из приемов разграничения русской литературы и литературы русскоязычной (что особенно актуально для современного периода), поскольку она обладает способностью обнаруживать русскую ментальность или ее отсутствие в авторском произведении.

Ключевые слова

Домовой; фольклорный персонаж; культурная матрица; фольклоризм; фольклор; русская литература.

T.V. Krayushkina

**A PATH OUT OF A PHILOLOGICAL BLIND SPOT:
BETWEEN FOLKLORE AND FICTION**
Book Review: Bobyakova I.V., Larionova M.Ch. The Domovoy: A Folklore Character in Literature. Rostov-on-Don, Foundation Publ., 2024. 216 p.

Abstract

This review examines I.V. Bobyakova and M.Ch. Larionova's monograph "The Domovoy: A Folklore Character in Literature." The significance of invoking one of the popular characters of oral folklore is demonstrated for understanding the role of the cultural matrix in interpreting the figurative system of Russian literature from the third of the 18th to the early 21st centuries. This approach, the reviewer believes, firstly, has the potential to become one of the ways to overcome the philological blind spot that blurs the understanding of verbal art (in its collective and authorial elements) as a holistic object. Secondly, an appeal to the cultural matrix can become one of the methods for distinguishing between Russian literature and Russian-lan-

guage literature (which is especially relevant for the modern period), since it has the ability to reveal the Russian mentality or its absence in the author's work.

Key words

Domovoy; folklore character; cultural matrix; folklorism; folklore; Russian literature.

Взаимодействие русского устного народного творчества и художественной литературы входит в число значимых аспектов исследования словесного искусства. Устоявшееся мнение, в котором на первый план вынесены закрытость, обособленность каждой из указанных систем, а на второй – их взаимодействие, нуждается в уточнении, поскольку, как думается, оно упрощает восприятие и фольклора, и авторской литературы. Транслирующие национальное мировоззрение устное народное творчество как результат коллективного начала и художественная литература как продукт начала преимущественно индивидуального избирательно дополняют и развивают друг друга, в совокупности своей работая на сохранение и трансляцию русской ментальности. (Отметим, что именно это свойство – сохранение и трансляция русской ментальности – является одним из основных признаков отличия русской литературы от литературы русскоязычной (особенно важен он для художественной литературы современного периода). И конкретно в этом случае под русскоязычной литературой мы подразумеваем не какую-либо национальную литературу, созданную на русском языке, а творчество русских авторов, в котором наша национальная ментальность не представлена.)

Одному из популярных образов устного народного творчества в русской художественной литературе XVIII в. (если быть точнее, речь идет о третьей его трети) – начала XXI в. посвящена монография И.В. Бобяковой и М.Ч. Ларионовой «Домовой: фольклорный персонаж в литературе», вышедшая в свет в 2024 г. Книга обладает рядом достоинств, но важнейшее из них следующее: осмысление истории развития русской литературы с нетривиального ракурса. Авторы ставят во главу угла фольклорный образ, а не специфику литературных течений или развития жанров.

Нельзя обойти вниманием еще одну проблему, влияющую на результат научного труда. Речь идет о специализации исследователя. В зависимости от того фольклорист перед нами или литературовед будут формулироваться не только цель и задачи при осмыслении общего, порождающего такие явления, как фольклоризм и фольклоризация, источникового поля, но и выбираться пути их осмысления, а также то, какой из аспектов проблемы приблизится к слепой зоне или вовсе войдет в нее. Все это в итоге соотносится с вопросом достоверности полученных знаний в смежной для обеих специализаций области: что достоверно для литературоведа, может вызвать вопросы у фольклориста. И наоборот. Но если исследователь четко понимает значимость фольклорного материала (и шире – традиционного национального мировоззрения, транслируемого устным народным творчеством) для осмысления художественной литературы, то вопрос о достоверности полученных выводов не возникает, как это происходит в рецензируемой монографии.

В относительно небольшом, но емком введении (его нельзя назвать пространным наряду с другими разделами исследования; отметим это как еще одно неоспоримое достоинство монографии) обозначены два магистральных направления осмысления фольклорного начала в художественном тексте. Пер-

вым из них, с опорой на выдающегося ученого У.Б. Далгат, авторы монографии называют фольклоризм литературы. Второй, сформулированный еще одной научной величиной – Д.Н. Медришем, получил наименование системно-типологического подхода; именно на него опираются и ему отдают предпочтение И.В. Бобякова и М.Ч. Ларионова.

Очевидно, что данное предпочтение связано не столько с природой взаимодействия народного и авторского начал в словесном искусстве, сколько с самим объектом исследования. Формулировки введения позволяют заключить: первое магистральное направление осталось авторами монографии не востребованным по той причине, что фольклоризм литературы работает в рамках текста, в то время как второе магистральное направление взаимодействует с сюжетикой и мотивно-образной системой, это, собственно, и интересует авторов монографии. В целом оба направления не исключают друг друга, напротив, дополняют. И лишь в своей совокупности могут дать полную (а вернее – относительно полную) картину взаимодействия устного народного творчества и художественной литературы. Представляется, что получение целостной картины также невозможно, как и попытка Ахиллеса догнать черепаху.

К достоинству книги «Домовой: фольклорный персонаж в литературе» может быть отнесено и стремление использовать понятия, входящие в терминологические аппараты литературоведения и фольклористики. Авторы монографии и с исследователями художественной литературы, и с исследователями устного народного творчества говорят на знакомых для них (для нас!) языках. Так, литературоведам привычно понятие «сквозной образ», фольклористам присуще оперировать терминами «архетип» и «мифологема». Значимой для современной филологической мысли и плодотворной в научно-практическом плане стала работа с понятием «культурная матрица», представленная в монографии. Уверенно балансируя между терминами «текст» и «архетипическая парадигма», И.В. Бобякова и М.Ч. Ларионова дают следующее определение культурной матрицы: это «структурированный и поддающийся описанию массив стереотипизированной культурной информации, реализующийся во множестве фольклорных и литературных текстов» [Бобякова, Ларионова 2024, 9], обнаруживают в ней «систему воспроизводящихся устойчивых кодов, сеть культурных воспоминаний» [Бобякова, Ларионова 2024, 9].

Заканчивается введение двумя задачами, которые иначе как стержневыми для современной русской филологии, а именно той ее части, что исследует искусство слова, нельзя назвать: первая из них сводится к поиску национально-культурной идентичности, вторая связана с методикой анализа фольклорного начала в художественной литературе.

И вроде бы уже знакомство с введением завершено, однако стоит вновь обратиться к нему. «Одним из самых устойчивых и ярких образов национальной картины мира является домовый» [Бобякова, Ларионова 2024, 5], – с этих слов начинается рецензируемая монография. Пока – на уровне аксиомы – данный тезис почти не вызывает вопросов, поскольку это, безусловно, интересное и продуктивное направление нуждается в продолжении исследования на примере других фольклорных персонажей. В дальнейшем обозначенный тезис будет подтвержден, уточнен или опровергнут. К подобного рода аксиомам может быть отнесено и обозначение домового как одного «из самых живых персонажей фольклора» [Бобякова, Ларионова 2024, 5]. Именно эта отнесенность, по мнению авторов монографии, является причиной вхождения образа домового «в индивидуальное авторское творчество» [Бобякова, Ларионова 2024, 5].

Появление и первой, и второй аксиом объясняется сосредоточенностью авторов на выбранной ими теме и перемещением в слепую зону всех прочих – достаточно многочисленных – фольклорных жанров и присущим им, прочим жанрам устного народного творчества, собственных ярких, наиболее значимых и продуктивных образов. На наш взгляд, взгляд фольклориста, аксиомы, о которых шла выше речь, уместны для конкретного жанра – былички. Собственно, преимущественно на нее и опираются И.В. Бобякова и М.Ч. Ларионова в первой главе, посвященной культурной матрице «домовой». Сразу обратит внимание на широкий круг научных исследований (порядка двухсот работ), который используют авторы монографии. Отметим также достаточное количество источников, указанных в книге (всего – 31). К их числу И.В. Бобяковой и М.Ч. Ларионовой отнесены поэзия, проза, драматургия.

При этом фольклорные источники – как широко известные (например, «Народные русские сказки» А.Н. Афанасьева, «Пословицы русского народа» В.И. Даля, раздел «Русские былички, бывальщины и сказки о мифологических персонажах» популярнейшего труда В.И. Даля «О повериях, суевериях и предрассудках русского народа»), так и знакомые более узкому кругу ученых («Сказки и предания Северного края», «Фольклор Ковернинского района Нижегородской области», «Фольклор Сосновского района Нижегородской области» и пр.) – оказались включены в раздел научной литературы «Фольклористика и литературоведение». Собственно, налицо не ошибка или результат невнимательности, а, видимо, еще одно последствие соприкосновения со слепой зоной, где материалом в понимании литературоведа является исключительно авторское слово. А слово, чье авторское начало было отторгнуто, нивелировано, забыто, уже как источник – привычный источник, отметим, – не воспринимается. Впрочем, схожая картина возможна и для фольклориста, сосредоточенного на словесном воплощении устного народного творчества.

Конкретно и по существу, в логичной последовательности составлена структура монографии, в ней нет ничего лишнего. Первая глава монографии носит название «Культурная матрица “домовой”», в нее включены семь параграфов, в которых рассмотрены происхождение образа, облик, места обитания, время появления, формы проявления, функции домового, способы воздействия домового.

Достоверность собранных в первой главе сведений о домовом связана с именами таких общепризнанных ученых, как А.Н. Афанасьев, В.И. Даль, С.В. Максимов, М.М. Забылин, Э.В. Померанцева, Н.А. Криничная, Е.Е. Левкиевская. Авторы монографии отмечают два распространенных мнения о возникновении фольклорного персонажа. Первое из них связано с дохристианской традицией: «согласно языческим представлениям, домовым становилась душа умершего предка либо душа строительной жертвы» [Бобякова, Ларионова 2024, 17]; второе – с принятием христианства: в этот период «появились легенды, которые объясняют происхождение домового от нечистых духов либо от согрешивших людей» [Бобякова, Ларионова 2024, 17]. Уместно при анализе второго периода обращение к таким терминам, как двоеверие, народное православие, что помогло бы полнее выявить особенности эволюции фольклорного образа во второй период.

С известной долей осторожности, учитывая уровень развития современной фольклористики, необходимо относиться к ряду высказываний представителей мифологической школы, в частности, А.Н. Афанасьева, систематизировавшего славянскую мифологию. Так, речь идет об образах Дажьбога и

облачных дев: «Именно поэтому Дажьбог считается дедом всех людей» [Бобякова, Ларионова 2024, 15]), «У А.Н. Афанасьева <...> также указано, что у духа [домового – Т.К.] есть жена и дети, а “дочери его так же юны и прелестны, как нимфы (= облачные девы), но любовная связь с ними гибельна для смертного” [Афанасьев 1995: II, 83]» [Бобякова, Ларионова 2024, 21]. Ко времени крещения Руси св. равноапостольным князем Владимиром пантеон славянских божеств только формировался. И те сведения, которыми владеет современная филология о божествах предков восточных славян, – большей частью являются реконструкцией.

Несомненным достоинством произведенного исследования является обращение к региональным источникам устного народного творчества, преимущественно к фольклорной прозе. В качестве материала И.В. Бобякова и М.Ч. Ларионова используют для осмысления образа домового народное словесное искусство Русского Севера, Архангельской области, Вятки, Нижегородской области, Переславского Залесья, Восточной Сибири. В своей совокупности это дало возможность собрать в систему общерусские представления об анализируемом фольклорном образе, выявить региональные особенности и подтвердить достоверность сведений, обозначенных в трудах предшествующих ученых. Именно на основе и исследовательской литературы, и фольклорных источников И.В. Бобякова и М.Ч. Ларионова выявляют ядро и периферию культурной матрицы «домовой», к которым они относят облик, места обитания, формы и время проявления, функции.

Во второй и третьей главах авторы монографии логично обращаются к исследованию образа домового в русской художественной литературе. И.В. Бобякова и М.Ч. Ларионова при выборе дальнейшего пути решения поставленной задачи могли бы учитывать литературные течения, классифицировать отобранные источники, опираясь на литературные роды, отразившие фольклорный персонаж, следовать, наконец, хронологии создания произведений. Но они остановили свое внимание на наиболее верном в данном случае, как думается, алгоритме, основанном на выявлении эксплицитных и имплицитных признаках домового, обозначенных в авторской литературе. По сути, И.В. Бобякова и М.Ч. Ларионова на исследованном материале поднимают вопрос о соотношении явно выраженных и скрытых проявлений фольклорного начала в художественной литературе.

Во второй главе, где говорится об эксплицитном проявлении домового в русской литературе, фольклорный персонаж представлен в двух возможных формах: действующего лица (т.е. его существование явно) и мистификации (его существование лишь предполагается). Обе эти формы напрямую связаны с традиционными представлениями о домовом. Как отмечают авторы монографии, «в основном внутри каждого направления произведения проанализированы в хронологическом порядке. Но в некоторых случаях они объединяются по тематическому признаку» [Бобякова, Ларионова 2024, 55].

Предметом исследования в первом параграфе были выбраны такие аспекты, как связь домового с семьей и людьми, домового как покровитель вдохновения, средство сатиры, хранитель памяти и культуры. Материал отличается широтой, что свидетельствует о предпочтении, которое отдает писательское сознание, домовому как лицу существующему. Это, впрочем, напрямую коррелирует с представлениями о домовом в традиционной культуре. Подчеркнем: стихотворные жанры с заметным превосходством доминируют (И.И. Хемницер «Домовой» (1782), Н.И. Гнедич «К К.Н. Батюшкову» (1807),

К.Н. Батюшков «Мои пенаты» (1811–1812), В.А. Жуковский «К Батюшкову» (1812), П.А. Вяземский «К Батюшкову» (1816), А.А. Дельвиг «К И.И. Пушкину» (1817), А.С. Пушкин «Разлука» (1817), А.С. Пушкин «Домовому» (1819), И.А. Крылов «Скупой» (1823), П.А. Вяземский «Самовар» (1838), Л.Я. Мей «Хозяин (1849), К. Бальмонт «Домовой» (1906), В. Брюсов «Друзья» (1912), В. Брюсов «Домовой» (1922), Б. Ахмадуллина «Дом и лес» (1973)). Домовой как действующее лицо прозы выявлен в трех произведениях (О.И. Сенковский «Записки домового» (1835), А.С. Грин «Словоохотливый домовый» (1923), Надежда Тэффи «Домовой» (1931)).

Во втором параграфе речь идет о домовом как помощнике влюбленных, лице, противостоящем самодурам, участвующем в обличении суеверий. К этим аспектам обращались в поэтической форме В.В. Майков в 1769 г. («Елисей, или Раздраженный Вах»), Я.Б. Княжнин в 1787 г. («Притворно сумасшедшая»), А.А. Дельвиг в 1814 г. («Хлоя»), Д.В. Веневитинов в 1826 г. («Домовой»), год спустя А.С. Пушкин («Все красны боярские конюшни...»), в прозаической – В.Т. Нарезный в 1825 г. («Два Ивана, или Страсть к тяжбам»), А.Ф. Погосский в 1873 г. («Чертовщина»), в драматической – А.Ф. Погосский в 1850–1874 гг. («Дедушка-домовой»). Авторы монографии делают акцент на «внесценической» роли домового, которая связана с комическим началом. Ценны умозаключения авторов монографии, связанные с реализацией фольклорного проявления в художественной литературе. Во-первых, способность домового как представителя образной системы устного народного творчества наделять авторскую литературу глубинным смыслом; во-вторых, потенциал обретения индивидуального начала, свойственный героям художественной литературы, персонажем, возникшем в фольклоре.

В третьей главе авторы обращаются к произведениям И.А. Гончарова, А.П. Чехова, В.Г. Распутина. О глубине научного осмысления проблемы свидетельствует начало третьей главы:

Объектом анализа <...> стали произведения и персонажи, на первый взгляд, никак не связанные с фольклором, поэтому традиционное понятие «фольклоризма» к ним применить нельзя. Однако важность темы дома и жизнеустойчивости героев в этих произведениях, как нам видится, неизбежно вовлекает в них культурную матрицу «домовой» [Бобякова, Ларионова 2024, 143].

Сразу отметим, что перед нами одна из возможных, при этом неожиданных и интересных, трактовок образов персонажей классических произведений. Интерпретация образов, представленная в монографии, логична, ее обоснование не вызывает возражений. (Укажем на еще одно достоинство монографии: талант авторов увлекать читателя; стиль изложения позволяет увидеть в создателях книги эрудированных собеседников, а не навязчивых менторов.)

Вряд ли найдутся основания заявлять, что наши классики, чьи имена перечислены выше, осознанно стремились в образах Захара («Обломов»), Шамраева («Чайка»), Чебутыкина («Три сестры»), Фирса («Вишневый сад»), Войничского («Дядя Ваня»), Хозяина и Богодула («Прощание с Матерой») отразить черты домового. Но как носители русской ментальности они могли сделать это интуитивно, опираясь на традиционное русское мировоззрение и устное народное творчество в качестве его ведущего транслятора. Безусловно, нельзя

не упомянуть и произведения их предшественников – собратьев по перу, где эксплицитно представлены варианты исследуемого фольклорного персонажа.

Герои, о которых пойдет речь ниже, изображены в динамике или в статике, это связано с жанровой природой произведений. Авторы монографии убедительно доказывают: образ Захара как носителя черт домового развивается, не утрачивая при этом особенностей, присущих фольклорному персонажу. А.П. Чехов же и В.Г. Распутин избирательно, в соответствии с характерами героев, приписывают им определенные черты, свойственные домовому. Показательно, что если писатели XIX – начала XX в. следуют модели *один персонаж – одно произведение*, то в повести XX в. характеристиками домового наделяются сразу два героя, причем выбор характеристик осуществляется индивидуально.

Еще одно поле, где реализуется образ домового, связан с рецепцией. И.В. Бобякова и М.Ч. Ларионова выделяют ему отдельный параграф. Читателю, наделенному чувством юмора, возможно, вспомнится притча о Ходже Насредине, которому сосед подарил зайца. И герой, утомленный вынужденной необходимостью угощать незваных гостей – соседей тех самых соседей, чьи соседи являются соседями соседа, преподнесшего ему гостинец, принялся потчевать их водой от той самой воды, в которой варился суп от зайца. Но... нет. Ассоциация не будет верной. Авторы монографии безошибочно доказывают: ряд пьес современных драматургов (а среди них особо стоит отметить «Фирсиаду» В.Н. Леванова) транслирует / интерпретирует те же самые элементы культурной матрицы «домовой», что были заложены в образ Фирса. Е.А. Маряхина пишет «о необходимости для Фирса остаться внутри <...> всеми покинутого дома как единственно возможном итоге его жизни» [Маряхина 2022, 67]. В.Н. Леванов с этого места начинает свою пьесу, «делает главным героем Фирса» [Бобякова, Ларионова 2024, 179].

Если в первых строках рецензируемой книги звучало обращение к национальной картине мира, то в финале возникает апелляция к другому термину – национальной культурной памяти. Именно в этих рамках – как элемент национальной культурной памяти – в заключении монографии оценивается домовая. Рассмотрев устное народное творчество и художественную литературу как единую систему, реконструировав культурную матрицу указанного персонажа, вывев ее ядро и периферию, И.В. Бобякова и М.Ч. Ларионова приходят к выводам о значимости для русской литературы XVIII – начала XXI в. культурной матрицы «домовой». «Залогом развития литературы является использование известного материала с приданием ему новых черт и свойств» [Бобякова, Ларионова 2024, 198], – данное утверждение формулирует одну из особенностей развития не только художественной литературы, но и словесного искусства в целом. Фольклор также оплодотворяется от художественной литературы, как и художественная литература – от фольклора.

И.В. Бобякова и М.Ч. Ларионова в заключении указывают, что не все возможные источники художественной литературы были в монографии учтены. За рамками исследования осталась и детская литература, и современное фэнтези. Отметим, что в этом ключе стоит обратить внимание и на сетевую литературу как материал специфический, но достаточно щедро транслирующий фольклорное начало. Со временем, думается, будут еще выявлены уже написанные произведения или созданы новые, в которых эксплицитно или имплицитно отразятся элементы культурной матрицы «домовой». Одним из вопросов, способных заинтересовать последующих ученых, может стать проблема

восприимчивости литературного рода фольклорному началу. Продуктивность данного направления в целом – выявление культурной матрицы фольклорных образов в художественной литературе – очевидна, как очевидна и эффективность совместного труда фольклористов и литературоведов в нем.

Невозможно подвести к общему знаменателю фольклористику и литературоведение, да в этом и нет необходимости. Но совместными усилиями указанное направление может стать одним из возможных путей выхода из слепой филологической зоны, закономерным его итогом видится осмысление устного народного творчества и художественной литературы как цельного результата словесного искусства. А некогда слепая зона сумеет приятно удивить новыми открытиями, существенным из которых, представляется, станет осмысление русской национальной идентичности сквозь призму взаимодействия устного народного творчества и художественной литературы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бобякова И.В., Ларионова М.Ч. Домовой: фольклорный персонаж в литературе. Ростов-на-Дону: Foundation, 2024. 216 с.
2. Маряхина Е.А. Семантика трансформации художественного пространства в финале пьесы А.П. Чехова «Вишневый сад»: роль художественной детали // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2022. № 6. С. 59–69.

REFERENCES

(Articles from Scientific Journals)

1. Maryakhina Ye.A. Semantika transformatsii khudozhestvennogo prostranstva v finale p'esy A.P. Chekhova "Vishnevyy sad": rol' khudozhestvennoy detali [The Semantics of the Transformation of Artistic Space in the Finale of A.P. Chekhov's Play "The Cherry Orchard": The Role of Artistic Detail]. *Vestnik RGGU, Seriya: Literaturovedeniye. Yazykoznaniiye. Kul'turologiya*, 2022, no. 6, pp. 59–69. (In Russian).

(Monographs)

2. Bobyakova I.V., Larionova M.Ch. *Domovoy: fol'klornyy personazh v literature* [The Domovoy: A Folklore Character in Literature]. Rostov-on-Don, Foundation Publ., 2024. 216 p. (In Russian).

Краюшкина Татьяна Владимировна,

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН.

Доктор филологических наук, профессор ДВО РАН, главный научный сотрудник, заведующая центром истории культуры и межкультурных коммуникаций.

Научные интересы: фольклористика, фольклоризм, фольклоризация, этнопсихология.

E-mail: kvtbp@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0001-7452-4593

Tatiana V. Krayushkina,

Institute of History, Archeology and Ethnology of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences.

Doctor of Philology, Professor of the FEB RAS, Chief Researcher, Head at the Center for the History of Culture and Intercultural Communications.

Research interests: folklore studies, folklorism, folklorization, ethnopsychology.

E-mail: kvtp@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0001-7452-4593